

пример того, как необходимы новые изыскания и воззрения; и почти каждая из последующих страниц могла бы служить доказательством того же самого. Остается только желать, чтобы силы деятелей на поприще русской истории были соразмерны трудности вопросов, которые ожидают решения.

О сродстве языка славянского с санскритским. Составил
А. Гильфердинг. Спб. 1853.

Об отношении языка славянского к языкам родственным.
Исследование А. Гильфердинга. Москва. 1853¹.

Первое из поименованных здесь сочинений г. Гильфердинга в первый раз напечатано в «Прибавлениях» к «Известиям Второго Отделения Академии Наук» и потом издано отдельной книгой; второе есть не что иное, как продолжение первого, и заключает в себе выводы об отношении языка славянского к языкам родственным.

С тех пор, как языкознание, освободясь от практических целей, сделалось самостоятельной наукой, в сравнительно-исторической части этой науки был большой пробел: не было основательно исследовано отношение языка славянского к санскритскому и к другим родственным языкам, т. е. к языкам индо-европейской отрасли. Это произошло оттого, что сравнительно-историческое языкознание было разрабатываемо преимущественно немецкими писателями, мало знакомыми с языком славянским. Дополнить такой важный недостаток есть обязанность славянских и преимущественно русских ученых. Отношение славянского языка к санскритскому и другим родственным языкам интересно не только для русской, но и для европейской науки. На таком-то видном поприще является с своими исследованиями г. Гильфердинг. Уже за одну мысль приняться за эти исследования должна быть ему благодарна наука. И г. Гильфердинг выполнил эту мысль хотя далеко не вполне, что и невозможно с первого раза, но с добросовестным трудолюбием и знанием дела.

В первом сочинении своем г. Гильфердинг сравнивает звуки и их соединения в языке санскритском со звуками и их соединениями в языке славянском.

Санскритский язык имеет только три простых гласных: *а*, *и*, *у*. С течением времени из гласной *а* выделяются два новых звука *е* и *о*, из которых первый образует как бы переход от *а* к *и*, второй — от *а* к *у*. В противоположность другим языкам европейским (кроме готского и литовского), давшим перевес новым гласным *е* и *о* над древними *а*, *и*, *у*, славяне в значительном большинстве случаев удержали звуки первобытные: можно принять, что на два славянских корня, сохранивших древние гласные, приходится один, в котором они перешли в *е* или *о*. Мы заметим здесь, с своей стороны, что для определения количественного отношения гласных

звуков между двумя языками должно принимать в расчет не одни корни, но весь состав слов: тогда результат может получиться совершенно другой. Одни соединительные гласные *о* и *е* в славянском языке составляют значительное количество. С другой стороны, скажем в защиту г. Гильфердинга, что для определения ближайшего родства между языками *хорьл*, как наименее изменяемые части слов, важнее прочих частей: наибольшее изменение корней означает наибольшее удаление одного языка от другого. Кроме общего всем языкам индо-европейским перехода в *е* и *о*, гласный звук *а* в славянском подвергся еще другому изменению: его стали произносить короче и неопределеннее, стали его, так сказать, скрадывать, и таким образом произошли два новых звука, означаемые в кирилловской азбуке начертаниями *ѣ* и *ь*. Следуя той формации, которая произвела гласный звук *е*, т. е. приближаясь к *и*, коренное *а* перешло в *ь*, следуя формации, произведшей гласный звук *о*, т. е. приближаясь к *у*, оно изменилось в *ѣ*. На конце слов скрадывание гласного звука, т. е. обращение *а* в *ѣ* и *ь*, и в *ь*, *у* в *ѣ*, составляет органическое, постоянное свойство языка славянского и в грамматическом построении отличает его от всех прочих языков индо-европейских; но корни, в которых находятся *ѣ* и *ь*, не составляя и сотой доли всего лексического запаса языка славянского и имеют характер не господствующего закона, а исключения. Зато не исключением, а общим законом славянской фонетики является употребление *ѣ* — *ра ь* — *ря* при *р* и *л*. Господство звуков *ръ* и *лъ* (или, по выражению некоторых грамматиков, *р* и *л* гласных) составляет одно из замечательнейших свойств языка славянского. Ни в одном из языков европейских нет подобного явления; но оно вполне развито в языке санскритском, в котором так называемый *у-гласный* точь-в-точь соответствует славянскому *ръ* и *лъ* (звуки *р* и *л* в смысле этимологическом совершенно тождественны). Славянский язык вернее санскритского сохранил коренное *р*. Это объясняется тем, что во время, от которого дошли до нас письменные памятники, последний начал уже кое-где подвергаться порче. Однако эта порча, несмотря на то, что развилась в языке санскритском преимущественно во время позднейшее, без сомнения, началась в доисторическую эпоху, когда славянское племя еще не отделялось от индейского; потому подле форм, сохранивших коренное *р*, существуют и у славян такие, которые его потеряли и сходятся с санскритскими. Сверх того, сравнивая славянский язык с санскритским, вследствие подвижности гласных звуков, мы находим в нем довольно часто переход *а* в *и*, *а* в *у*, *у* в *и* и обратно. Присовокуплением *а* (короткого) и *â* (долгого) к гласным *і*, *î*, *и*, *î* для усиления их в санскритском языке образуются доегласные *ai*, *ai*, *au*, *ai*. Этим четырем санскритским доегласным в славянском языке соответствуют два звука: *ь*, заступающее санскритское *ê* (*ai*) и *ai*, и *ы*, заступающее *ô* (*au*) и *ai*.

Ѣ есть усиление коренного *i* приставкою гласного звука *a*, который слился с ним в один звук; *ы* таким же путем образовалось из *и*. Переход от гласных к согласным составляют звуки *j* и *v*, будучи только видоизменением гласных *i* и *и*. В славянском языке эти звуки, особливо первый, имеют весьма важное значение. Славянские наречия, преимущественно же новейшие, не терпят гласных в начале слов; потому они либо смягчают их (т. е. соединяют их с *j*), либо приставляют к ним букву *o*. Закон смягчения и стремление осуществить его присутствовали одинаково в языках санскритском, литовском и славянском, но в действительности смягчение проявилось в них уже после их обособления и не в равной силе: язык санскритский представляет его в зародыше, но в историческом ходе, произведшем из него пракритское наречие, он развил первую степень смягчения, которой подверглись согласные *d* и *t*; язык литовский стоит наравне с пракритским; но в историческом ходе образовавшем латышский язык, явилось в нем смягчение звуков гортанных и шипящих, а звуки *d* и *t* подчинились смягчению вторичному; наконец, славянский язык, в котором имеют место все означенные явления, развил и третью степень, овладевшую звуком *p* (смягчающимся в *pж*, *ш*) и губными согласными (смягчающимися приставкой *л*). Весьма замечателен — прибавляет г. Гильфердинг — этот параллельный ход смягчения у индейцев, литовцев и славян: так как ничего подобного нет в прочих языках индо-европейских, то нельзя не признать, что в речи этих трех племен есть какое-то общее звуковое устройство. Мы думаем, с своей стороны, что прежде чем делать такое решительное заключение, г. Гильфердингу надобно было исследовать, нет ли подобного явления и в других языках индо-европейских. В греческом языке подобное смягчение составляет так называемый *зетаизм*. Смягчение замечаем в средневековой латыни: именно *zabolus* вместо *diabolus*. В историческом развитии итальянских наречий из языка латинского видим постоянное увеличение смягчения. Зендский язык часто представляет смягчение там, где оно есть в славянском и латышском, но где его нет ни в санскритском, ни в греческом, ни в латинском: именно, санскритская *hita*, греческое *ἔϊωϋ*, латинское *hiems*, славянское *зима*, литовское *zieta*, зендское *zjas*; санскритское *bhumi*; латинское *humus*, славянское *земь*, *земля*, латышское *zieme*, зендское *zém*; санскритское *ahat*, греческое *ἄγᾱ*, латинское *ego*, славянское *азъ*, литовское *isz*, латышское *es*, зендское *azet*. Касательно этого предмета мы отсылаем наших читателей к двум сочинениям: рассуждению г. Каткова «Об элементах и формах славяно-русского языка» и к рассуждению г. Новикова «О важнейших особенностях лужицких наречий»². Вообще, г. Гильфердинг не любит ссылаться на сочинения других ученых. Между тем, мы думаем, что ему никак нельзя было обойти превосходного сочинения г. Каткова. Да и вообще, прежде чем решать данный

вопрос науки, должно показать, на какой степени развития находится решение его в настоящее время. По поводу носовых звуков, соответствующих в славянском и литовском языках санскритской *анусварь*, которая употребляется в корнях перед шипящими согласными, и придыханием *h* и кроме того по общепринятому правописанию и произношению заменяет *n* и *m* перед всеми другими согласными на конце слов, г. Гильфердинг делает такое же заключение о ближайшем родстве языков санскритского, литовского и славянского. Но носовые звуки мы замечаем также в языках греческом, латинском и в итальянских наречиях. Там носовые звуки являются и выпадают — точно такое же явление, как и в языке славянском. Например, греческое *λαβῆτι*, латинское *cosol, consul*, санскритское *abhi*, греческий *ἀμφί*, латинское *ambo*, санскритское *masa*, латинское *mensis*. Если в славянском языке носовой звук имеет одно начертание с предыдущим гласным звуком, а в греческом и латинском он изображается особенной буквой, то здесь различие только в начертании, в букве, а не в звуке. То же заключение выводит г. Гильфердинг из сравнения шипящих звуков и из перехода звуков *k* и *g*, *ч* и *ж* (*дж*) в языках санскритском и славянском. Санскритский язык имеет три шипящих согласных: *ç*, *ш*, *с*. Звук *ç* не имеет аналогии ни в одном из языков европейских. По своему происхождению, он есть видоизменение древнего *k*, которое и соответствует ему постоянно в языке греческом, латинском и кельтском; германские наречия заменяют *ç* звуками, образовавшимися из *k*, вследствие известных фонетических законов. У славян же и литовцев находим, что в одной половине слов *ç*, как в прочих языках европейских, заменяется гортанным *k* (или *ц*, *ч*, видоизменениями *k*), в другой шипящими *с*, *ш*. Это показывает, что развитие звука *ç* из первобытного *k* началось, когда уже обособились от общего индо-европейского корня племена кельтское, греческое и германское, но когда славяне и литовцы еще жили вместе с предками индейцев; но это развитие продолжалось и после того, как славяне и литовцы выделились из семьи, так что они унесли с собою много слов с коренным *k*, в которых потом язык санскритский заменил его звуком *ç*. Подобным образом — говорит г. Гильфердинг — следует, кажется, предположить, что звуки *ч* и *дж* в санскритском языке стали появляться вместо *k* и *g* в эпоху, последовавшую за отделением племен греческого, латинского, кельтского и германского, однако, еще в то время, когда литовцы и славяне не начинали самобытной жизни, но что образование их не кончилось при обособлении этих последних, почему славянский язык и удержал нередко *k* и *г* там, где санскритский потом превратил их в *ч* и *дж*. Далее г. Гильфердинг сравнивает прочие согласные звуки и соединения звуков в языках санскритском и славянском и заключает следующими выводами: 1) что в славянском языке находится более, нежели в

прочих языках европейских, корней и слов, родственных с санскритскими; 2) что все славянские наречия сохранили в одинаковой мере древние слова, восходящие до эпохи первобытного единства семьи индо-европейской; 3) что язык славянский, взятый в целости, не отличается от санскритского никаким постоянным, органическим изменением звуков, равно как и язык литовский, тогда как все прочие индо-европейские языки подчинились разным звуковым законам, которые исключительно свойственны каждому из них в отдельности; 4) что ближайшее родство языков санскритского, литовского и славянского еще яснее доказывается тем, что в них равномерно развиты многие звуки, чуждые прочим ветвям индо-европейского племени, каковы в особенности: носовые звуки *ç*, заменяющее коренное *к* (санскритское *ç*), *ч* и *ж* (*дж*), и наконец *р* — гласный (славянский *ръ*); 5) что смягчение согласных составляет также одно из тех свойств, которые связывают теснейшим родством славянский язык с литовским и санскритским и отделяют от них соплеменные ветви.

Второе сочинение г. Гильфердинга есть не что иное, как повторение тех же самых выводов, основанных на сравнении звуков, с прибавлением некоторых, впрочем, весьма немногих, форм грамматических. Упомянув вкратце об известнейших трудах по части сравнительно-исторического языкознания и сделав различие между *постоянными*, или *органическими*, и *случайными* изменениями звуков, г. Гильфердинг перебирает все языки индо-европейские: *зендский, греческий, албанский, латинский, осский, умбрийский, германский, кельтский*, обозначая, какие произошли в них органические видоизменения в звуках. Затем г. Гильфердинг приводит уже знакомые нам *пять главных звуковых законов*, которыми славянский и литовский языки связываются с санскритским и отделяются от прочих языков родственных, т. е. 1) *р* — гласный (славянский *ръ, лъ*); 2) носовые звуки (санскритский *анусвара*); 3) *с*, заменяющее коренное *к* (санскритский *ç*); 4) переход *к* и *г* в *ч* и *ж*; 5) смягчение. Затем приводятся образцы сближения корней и слов славянских и литовских с санскритскими. Г. Гильфердинг заключает свое сочинение сравнением некоторых форм в склонении имен существительных и в спряжении глаголов в языках славянских и санскритских; но это сравнение так неполно, так отрывочно, что из него невозможно получить никакого понятия об отношении славянского языка к языкам родственным касательно грамматического состава. Между прочим, г. Гильфердинг исчисляет совершенно догматически и без всякого основания логические формы глагола, определяемые *временем (времена)*, *отношениями действия к лицу*, которое его производит либо ему подвергается, или к другому действию (*наклонения и залог*), *количеством* и, наконец, *качеством действия (виды)*. Здесь г. Гильфердинг обнаруживает незнакомство даже с Беккером. Он поставил *времена* и *наклонения* под разные кате-

гории, между тем как они вместе с лицами, которые г. Гильфердинг совершенно опустил из виду, показывают отношение сказуемого к лицу говорящему и составляют формы вообще сказуемого, а не глагола только; *наклонения* же и *залог* поставил в одну категорию, между тем как *залог* и *виды* — собственно глагольные формы: *залог* показывает отношение действия к предметам (относительное свойство действия), а *виды* — внутреннее, безотносительное свойство действия самого по себе. Г. Гильфердинг говорит, что *виды* в славянском языке выражают категорию качества: неужели и *кратность* действия есть качество, а не количество?

Мы проследили вкратце содержание обоих сочинений г. Гильфердинга, сделав некоторые частные замечания. Скажем теперь наше мнение об основной мысли обоих сочинений и о достоинстве каждого из этих сочинений в отдельности.

Г. Гильфердинг усиливается сблизить славянский и литовский языки с санскритским и составить из них одну — *восточную* — ветвь языков индо-европейских, в противоположность другой — *западной* — ветви той же отрасли. Что славяне и литовцы после вышли из своей азиатской прародины, нежели прочие народы Европы, в этом, кажется, нет сомнения. К филологическим доказательствам г. Гильфердинга, впрочем, далеко не вполне убедительным, мы прибавим еще доказательство историко-географическое. Все европейские народы пришли в Европу через Кавказские ворота; славяне и литовцы живут на востоке Европы: следовательно, они пришли в нее после всех. Итак, если, вследствие позднейшего прихода в Европу, славяне и литовцы в языке своем сохранили более сходства с языком санскритским, удержав и такие звуки, которые развились в языке санскритском уже после отделения от индийского племени других европейских народов, то это только доказывает, что они дольше жили в своей азиатской прародине, — и больше ничего. Но г. Гильфердинг выводит другое, гораздо отдаленнейшее заключение:

«Соплеменные языки западные, получившие прежде самостоятельную жизнь, вынесли из древнего единства стихии менее определенные и оттого поддались так легко, уже на своей почве, каждый совершенно особенным склонностям. Все эти языки давно исчезли и оставили по себе вторичные наречия, тогда как на востоке еще живут и процветают два великие языка первичного образования — славянский и литовский: уж не проистекла ли смерть первых от того, что они рано начали жить сами по себе и, *отделившись прежде полного развития*, должны были многое выработать собственными силами и тем скоро *истощились*? А долговечность языков литовского и славянского, не совпадает ли она с их поздним обособлением и богатством вынесенного из Азии звукового наследства, которого восполнять им не было нужды? И, наконец, этот различный характер индо-европейской речи в

западной Европе и в восточной не соответствует ли историческому характеру двух великих половин Европы? На той же стороне, где находим раннее обособление языка и господство частных звуковых законов, мы видим и преобладание личности над общиной, и скорейшее развитие, которому помогло это преобладание личности; а на другой стороне позднее отделение языка славянского и его верность звукам, вынесенным из доисторической родины, из Азии, не согласно ли с медленнейшим ходом славянского племени, в котором менее высказывалась личность, но крепче хранилось общественное начало?»

Итак, развитие романских языков из латинского произошло оттого, что латинский язык отделился от санскритского прежде полного развития и скоро истощился! Г. Гильфердинг говорит о славянском языке, как о языке первичного образования. Но мы не знаем такого языка; мы знаем только славянские наречия: первичный же славянский язык, из которого они произошли, нам неизвестен. Следовательно, различие здесь только в том, что язык, от которого произошли, например, романские наречия, оставил по себе богатую литературу, а первоначальный славянский язык, от которого произошли славянские наречия, не оставил по себе никаких памятников. Г. Гильфердинг говорит, что «Славяне обратили творческую силу языка своего не на вещественную его сторону, не на звуки, которые остались у них как были, а на выражение мысли, на внутреннее определение глагола, самой живой и духовной стихии нашего слова». Итак, звуковое изменение языка соответствует развитию личности, а изменение глагола — крепости общественного начала! Вот до каких несообразностей доводят и людей, добросовестно трудящихся для науки, задние мысли.

Первое сочинение г. Гильфердинга есть труд дельный и добросовестный. Сочинение это не dokonчено и далеко еще не dokonчено. Если же его почитать конченным, то должно переменить его заглавие, обозначив его, как сравнение звуков в языках санскритском и славянском. Сравнение полного грамматического состава этих языков еще ожидает трудолюбивых делателей. Второе сочинение есть только извлечение из первого и еще менее соответствует своему заглавию. Если г. Гильфердинг и хотел здесь изложить результаты, добытые им в первом исследовании, то он должен бы был ограничиться показанием отношения славянского языка к санскритскому касательно звуков. Г. Гильфердинг изменил своему собственному намерению сравнивать первоначально славянский язык с каждым из других индо-европейских языков в отдельности и слишком рано взял на себя слишком трудную задачу. Гораздо лучше, если б второе сочинение его было не извлечением из первого, а продолжением его.

Несмотря на все это, труды г. Гильфердинга как сами по себе чрезвычайно замечательны и, конечно, обратят на себя внимание

каждого филолога, так в особенности много обещают в будущем. Г. Гильфердингу нужно только:

1) Изучить организм языка вообще. В определении глагольных принадлежностей он показал чрезвычайно сбивчивые понятия. То же видим в названиях звуков. Г. Гильфердинг называет звуки *д* и *т* *зубными*, между тем как другие (также произвольно) называют их *язычными*; звуки *ч* и *ж* он называет *нёбными*, между тем как ясно, что в произношении их нёбо нисколько не участвует. (Мы думаем, с своей стороны, что все согласные звуки должно разделить на *зубные*, произносимые губами, наружным органом рта, без помощи языка, и *язычные*, произносимые внутренними органами рта с помощью языка, что язычные должно подразделить на *нёбные*, произносимые языком и нёбом, куда относятся так называемые *гортанные*, *плавные* и *язычные*, и *зубные*, произносимые языком и зубами, куда относятся так называемые *шипящие*, *шепелеватые*, *свистящие*: закон органических противоположностей ясно выказывается здесь.) Г. Гильфердинг не оставил еще старого обыкновения *звуки* называть *буквами*. Организм языка должен быть светильником на пути сравнительно-исторических исследований.

2) Изучить отдельные языки, которые он желает сравнивать, прежде, нежели выводить об отношении их между собою общие и положительные результаты.

3) Брать для сравнения слова из живой речи, где они только и имеют свой смысл, а не из лексиконов. Учиться языку по лексикону все равно, что по азбучному списку собственных имен учиться географии. Притом должно делать различие и в самых памятниках. Например, г. Гильфердинг берет славянские слова из Миклошича и пишет *врѣхъ*, *дрѣзати*, а не *врѣх*, *дрѣзати*, как эти слова пишутся в Остромировом Евангелии, самом важном памятнике языка славянского, откуда их и следовало брать.

При таких условиях мы вполне надеемся, что г. Гильфердинг с своими дарованиями и трудолюбием принесет несомненную пользу сравнительно-историческому языкознанию.

Комнатная магия или увеселительные фокусы и опыты, основанные на физике и химии. Сочинение Г. Ф. Амарантова. Москва. 1854.

Умеете ли вы «переносить воду в решете?» Если не умеете, «Комнатная магия» научит вас этому.

«Стоит только накрыть верх решета гладкою доскою (мы прибавим: еще вернее достигнете вы цели, если крепко обтянете верх решета полотном, а потом уже на полотно положите доску) и придерживать полотно, так чтобы воздух не мог проходить. Если погрузить таким образом накрытое решето в воду и, когда оно наполнится, опять вынуть (опять прибавим: погружать ре-